

УДК 94(47).084.8

Участие женщин в Великой Отечественной войне

*Малышева К.А., студент
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана,
кафедра «Компьютерные системы и сети»*

*Научный руководитель: Лебедева А.К., к.и.н., доцент
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана,
кафедра «История»
dekan.fsgn@bmstu.ru*

Победа в Великой Отечественной войне. Эти знакомые каждому слова вызывают разные ассоциации: старые черно-белые фотографии, фронтовые письма-треугольники, звон орденов и медалей на кителях ветеранов, салют победы 9 мая. Но прежде всего – это цена, которую пришлось отдать за победу. Потери на фронте, лишения военного времени, каждодневный тяжелый труд с напряжением всех возможных и невозможных сил. В эти нелегкие дни, наравне с мужчинами, так же отважно и смело завоевывали победу женщины.

Тема участия женщин в Великой Отечественной войне давно изучается историками. В советский период вышло значительное количество личной мемуарной литературы, исследований, посвященных жизни известных женщин-воинов. Исследования проводились и в масштабах страны, как в монографии В.С. Мурманцевой «Советские женщины в Великой Отечественной войне 1941 - 1945» [1, с. 4]. В советской традиции основными критериями исследований были описание подвигов, боевых заслуг, цифры статистики. Это подчеркивало героизм, но переживания и эмоции отдельных девушек, попавших на передовую войны, носили несколько фоновый характер.

Первой взглянула на войну женскими глазами С.А. Алексиевич в книге-сборнике воспоминаний «У войны не женское лицо» [2, с. 3]. По своему характеру это больше журналистское исследование, внимание в нем уделено именно личным историям женщин-ветеранов, восприятию войны, ее каждодневным трудностям и ужасам.

Личное восприятие войны женщинами в современное время стало одной из тем направлений гендерной истории и истории повседневности. В историографической статье О.Ю. Никоновой «Женщины, война и «фигуры умолчания»» отмечается, что исследование в рамках гендерного направления «неизбежно фокусирует внимание на

проблеме «совместимости» женщины и войны» [3, с. 40]. Поэтому помимо темы героизма в работах фигурирует тема трагедии, как в статье Р.С. Гольдберга «Зачем вы остались живы?», где автор через судьбы фронтовых медсестер рассматривает проблему плена и последующей реабилитации. [4, с. 39]. Источниками для исследований продолжают служить мемуары, как в статье И.В. Ребровой «Женская повседневность в экстремальной ситуации: по материалам устных и письменных воспоминаний женщин о Великой Отечественной войне» [5, с. 607]. Тема женщины на войне многогранна и имеет большие перспективы изучения.

Настоящая работа вписывается в общую историографическую канву по используемой базе источников и рассматриваемым проблемам. В этой статье ставятся задачи на основе опубликованных мемуаров участниц войны: рассмотреть каждодневные условия военного обучения и фронта, сделать вывод о вкладе женщин в победу над нацистской Германией, окрасить статистические данные персональными впечатлениями и переживаниями ветеранов, на молодые женские плечи которых легла тяжелая военная ноша. Основным методом, используемый в статье, – анализ мемуарных источников и военно-исторической литературы.

В книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» отмечается: «женская память о войне самая "светосильная" по напряжению чувств, по боли. Она эмоциональна, она страстна, насыщена подробностями, а именно в подробностях и обретает свою неподкупную силу документ» [2, с. 11].

В СССР с 1939 г. допускалось возможность несения военной службы для женщин, имеющих военно-учетную специальность и их призыв в военное время. Государственный комитет обороны в ходе войны принял постановления о мобилизации женщин в войска связи, ПВО, внутренней охраны. В тылу женщины заменили мобилизованных отцов, братьев и мужей на сложных производствах, в сельском хозяйстве, в административно-организационной работе. Однако, с первых дней войны тысячи женщин изъявили добровольное желание отправиться именно на фронт, в боевые части. В разные периоды войны сражалось от 600 000 до 800 000 женщин, 80 000 из них имели офицерское звание [1, с. 120].

Образ женщины на передовой для многих ассоциируется с медсестрой и санинструктором. Это не случайно: в военные годы врачи, медсестры и санитарки были одними из первых, кого призывали военкоматы с началом мобилизации женщин. В стране были организованы краткосрочные курсы медсестер. Во всех звеньях системы военной медицины Великой Отечественной войны несли свою службу девушки: в медико-

санитарных батальонах, полевых подвижных госпиталях, эвакогоспиталях, санитарных эшелонах. Из общего числа фронтовых врачей, женщин было 42%, среди хирургов – 43,4%. Женщины-фельдшеры, санинструкторы, медсестры составляли более 80 % от медперсонала [1, с 127].

Любовь Алексеевна Буткевич – автор книги «Солдаты милосердия: записки фронтовой медсестры». В военное время была медсестрой хирургического полевого подвижного госпиталя, входившего в состав 38-й армии 1-го Украинского фронта. Её путь к победе протянулся от Курской дуги до Германии, Польши и Чехословакии. Любовь Алексеевна ушла на фронт добровольно, подавала несколько заявлений, окончила курсы медсестер. Молодой девушке запомнилась отправка на фронт: «Раздался долгий прощальный свисток паровоза. Резко дернулись и поплыли вагоны, постепенно набирая скорость... а я смотрела на мать ...» [6, с. 19].

В военно-полевых условиях женщины сталкивались с дополнительными трудностями. По воспоминаниям участниц, в первые годы войны они не имели женских предметов одежды, выдавалось обмундирование мужского образца и больших размеров. Л.А. Буткевич: «Я же в бушлат могла завернуться в 2 раза, и по длине он мне был все равно, что пальто, да что тут подделаешь?» [6, с. 15]. Но прежде всего это трудности физические. Война – это каждодневный тяжелый труд, тяготы которого переносились молодыми девушками. Хирургический полевой подвижный госпиталь (ХППГ) следовал за наступающими войсками, постоянно меняя место расположения. Большинство личного состава – женщины, они и занимались обустройством лагеря. ХППГ № 5148 принял боевое крещение на Курской дуге. Любовь Алексеевна пишет: «По инициативе командования госпиталя решено начать строительство подземных помещений... С первых же часов у большинства девчонок на ладонях появлялись мозоли... Ломило руки, болело и ныло все. И на отдых времени оставалось совсем немного» [6, с. 36].

С началом боя в большом количестве стали поступать раненые. «Весь личный состав по двое-трое суток не покидал своих постов. Кто не выдерживал, уходил всего на два-три часа, чтобы передохнуть, и снова возвращался на рабочее место» [6, с. 49]. И так будет почти всю войну: пешие переходы, развертывание госпиталя, на которое давалось иногда всего несколько часов, тяжелые смены без перерывов на еду и сон. Но и это преодолевали: «Отдых же вообще казался невыносимым. Как можно было уйти, когда сотни людей ожидали помощи?» [6, с. 48-49].

Военный врач, медсестра – это еще и дополнительные специфические нагрузки, к которым нужно было привыкнуть. Более половины персонала госпиталя стали донорами крови. Любовь Алексеевна вспоминает: «Первое время жутковато было снимать бинты,

пропитанные кровью, и повязки со свежей зияющей раны, иногда очень обширной. Старалась все делать осторожно, чтобы не причинить боль, которая словно передавалась и мне и чувствовалась где-то в глубине души...» [6, с. 48].

Хирургический полевой подвижный госпиталь не раз попадал под бомбардировку, дислоцировался недалеко от передовой в условиях опасности прорыва фронта немцами, но не прекращал спасать человеческие жизни.

Во время отступления немецких частей, советские солдаты нередко подбирали немецких раненых. Перед отправкой их в лагеря военнопленных помощь им оказывалась в полевых госпиталях. «Приходилось ухаживать и за власовцами, и за бендеровцами. И какую бы неприязнь они не вызывали, надо было соблюдать тактичность и милосердие» [6, с. 69].

Медсестры не только оказывали медицинскую помощь, но и сочувствовали, сопереживали, принимали на себя боль раненых, отвечали на письма бывших пациентов. Любовь Алексеевна описывает, как умирал у нее на руках раненый в грудь солдат. Госпиталь еще не добрался до своего нового расположения в полном составе, не было врачей, чтобы провести операцию. Медсестра уговаривала раненого потерпеть, плакала, но пережив ночь, он скончался [6, с. 91].

Несмотря на трудности, девушки: «наоборот, довольны были тем, что не отсиживаются где-то в тылу. Жизнерадостность была через край. По молодости иногда, быть может, казались беспечными и беззаботными, но в работе могли выдержать любые нагрузки» [6, с. 114]. При этом, в военных условиях женщины оставались женщинами, несмотря на недосыпание, недоедание, после дежурств «...старались привести себя в порядок – постирать и отгладить халатик, накрутить кудряшки». В выдавшееся свободное время, если удавалось уйти по увольнительной записке из части, ходили на танцы [6, с. 114].

Победу Любовь Алексеевна встретила на своем посту. «А на столе операционной умирал юный защитник Родины... Обвел помутневшим взглядом окружающих его людей и, слабо улыбнувшись, произнес: – Победа... Хорошо... Не напрасно» [6, с. 165].

После войны Любовь Алексеевна Буткевич работала операционной сестрой в больнице, не потеряла связь с однополчанами и своими пациентами военных лет.

Девушки-санинструкторы и медсестры выполняли свой долг по спасению человеческих жизней в тяжелейших условиях. По статистике, благодаря помощи медсестер около 70% раненых советских бойцов смогли вернуться в строй. 15 женщин-

медиков, участвовавших в Великой Отечественной Войне, имеют звание Героя Советского Союза [1, с. 133].

По инициативе ЦК ВЛКСМ в 1942 году были созданы курсы по подготовке отличных стрелков, а в июле 1943 года на базе женского отделения этих курсов организована Центральная женская школа снайперской подготовки. Это единственный случай в истории создания женского снайперского учебного заведения [7, с. 66].

Юлия Константиновна Жукова в своих мемуарах: «Девушка со снайперской винтовкой» подробно описала, как молодые девушки осваивали непростую воинскую специальность и как после выпуска воевали в окопах.

Ю.К. Жукова окончила среднюю школу в 1942 г. в г. Уральске, с 16 лет работала на заводе по производству боеприпасов для военно-морского флота. Как и многие девушки того тяжелого времени, окончила двухнедельные курсы военной подготовки, пошла на фронт добровольцем. С группой девушек-землячек по распределению попала на курсы снайперов.

С началом обучения для девушек начались и первые сложности, буквально с подбора обмундирования: «кому-то шинель оказывалась мала, другому, наоборот, велика; кто-то не мог подобрать сапоги». В воспоминаниях многих девушек первое впечатление от армии, первые военные будни связаны именно с непривычной военной формой. Ю. К. Жукова пишет: «очень долго самой большой проблемой оставались портянки. Если на них оказывалась хоть одна морщинка, ноги можно было стереть до крови, а командиры внушали, что потертость ног в армии – преступление» [7, с. 72].

Не сразу привыкали к военной дисциплине и армейским порядкам. «Мы никак не могли научиться быстро есть и постоянно ходили голодные. Кормили-то нас отлично, по фронтовым нормам... не успеваешь за столом все съесть, а взвод уже поднимают и ведут на построение» [7, с. 75]. Но постепенно молодые курсанты привыкали и осваивали военную науку.

Специальность снайпера, по признанию самой Юлии Жуковой, одна из самых тяжелых среди военных профессий. От снайпера требовалось выдержка, наблюдательность, терпение, большая выносливость, отличное знание оружия, умение маскироваться и метко поражать цели. «Учебные занятия проводились в полевых условиях в любую погоду – в жару и в холод, в дождь и снег, под палящим солнцем и секущей пургой» [7, с. 101].

После окончания обучения – фронт. Ю.К. Жукова вспоминает: «Сложно описать, что я испытала, впервые попав на передовые позиции. Это и некоторое возбуждение, приподнятость, но и неуверенность, и ожидание чего-то необычного, и страх, конечно» [7,

с. 121]. Страх не столько перед врагом, сколько страх что-то неправильно сделать. Со временем девушки научились преодолевать сомнения, отрешаться от страха во время выполнения заданий.

Первым врагом, убитым из снайперской винтовки, стал немецкий офицер. Молодая сержант испытывала смешанные чувства: «Когда убиваешь человека, даже если это враг, то становится не по себе... Потом это прошло. Столько довелось увидеть зла, сотворенного фашистами, что я не испытывала уже никакой жалости к тем, кого убивала. Страшно признаться, но уничтожение немцев стало просто делом, обязанностью, которую надо было выполнять хорошо» [7, с. 125].

Официально на счету Юлии Жуковой числится восемь уничтоженных фашистов. Но у ветерана на этот счет свое мнение: «Когда мы находились в окружении в Ландсберге, сутками не выходили из окопов, за день отражали по 6-8 немецких атак и стреляли, стреляли, стреляли до потемнения в глазах, как определить, кто и сколько врагов уничтожил?» [7, с. 126-127].

Юлия Константиновна Жукова попала на фронт в конце 1944 года, за несколько месяцев до победы. Как пишет снайпер: «На фронте была недолго, но знаю, что такое война». С пехотным полком участвовала в наступлении и обороне, попадала в многодневное окружение. Молодая девушка пережила бомбежки, обстрел из артиллерии и минометов. Находясь на задании, на нейтральной полосе между вражескими и своими окопами часами маскировалась в снегу и болотах. Лежала в госпитале с последствиями осколочного ранения, терпела операции без наркоза, сдавала кровь для раненых, сама ухаживала за ними, когда в окружении не хватало медсестер. Наравне с мужчинами переносила многодневные пешие переходы. «Тяжелые переживания, физические и моральные перегрузки, холод, голод, хроническое недосыпание, грязный окопный быт – это тоже война. И все это вместились в несколько невероятно тяжелых месяцев» [7, с. 114].

Самым тяжелым воспоминанием о войне стало окружение полка под Ландсбергом. Ю.К. Жукова пишет: «Девять дней находились мы в окружении, и ни на один день не прекращалась кровавая бойня... Мне кажется, что пережитое там – это уже за пределами человеческих возможностей. Солдаты сражались даже тогда, когда, казалось бы, уже некому и нечем сражаться» [7, с. 153]. Во время боев попала в плен и была зверски замучена подруга автора мемуаров, Дуся Филиппова.

Юлия Константиновна Жукова резюмирует к концу своей книги: «Безусловно, всем было трудно на войне, но женщинам – тяжелее всех. Ведь для большинства женщин

стрельба, бомбежки, смерть, кровь, человеческие страдания сами по себе невыносимы. Но еще тяжелее, пожалуй, переносились физические и психологические перегрузки, грязный окопный быт... Не могу не сказать, что и само мужское окружение тоже порой добавляло трудностей» [7, с. 215].

Центральная женская школа снайперской подготовки за время своего существования обучила для фронта 1061 снайпера и 407 инструктора. Выпускницы школы за время боев с 1943 г. по 1945 г. уничтожили свыше 11280 солдат и офицеров противника [1, с. 125].

В ходе Великой Отечественной войны впервые были сформированы крупные воинские подразделения, состоявшие исключительно из женщин. Из женщин-добровольцев было создано 3 авиационных полка, среди них – 46 гвардейский ночной бомбардировочный полк подполковника гвардии Евдокии Бершанской. Полк во многом отношении уникальный: женщинами в нем были не только летчики и штурманы, но и техники и вооруженцы, использовались легкие одномоторные самолеты По-2, изначально предназначенные для первоначального обучения летчиков.

Ирина Вячеславовна Ракобольская, начальник штаба 46 полка и летчик Наталья Федоровна Кравцова собрали воспоминания ветеранов полка в мемуарной книге «Нас называли ночными ведьмами. Так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков».

Самолеты По-2 строились из фанеры и перкалевой бумаги. Открытая кабина, отсутствие радиосвязи и защиты экипажа от пуль, маломощный мотор, развивавший скорость всего 120 км/час. Бомбы подвешивались прямо под крыльями и кабиной самолета, малоразмерный штурман даже брал их с собой во вторую кабину. Экипажи стали снабжать парашютами только ближе к концу войны. Как пишет Н. Кравцова: «А ночной-то он не потому, что как-то оборудован для полетов ночью... Ночной он потому, что за линию фронта он может летать, пожалуй, только в темноте: днем его сразу собьют» [8, с. 190].

Но летчицам удалось превратить недостатки маленького самолета в плюсы. Самолет хорошо планировал, и экипажи заходили на цель, выключив двигатель и не давая немецким зениткам найти себя в ночном небе. Для По-2 требовались взлетно-посадочные полосы длиной всего 200 метров, что облегчало их размещение вблизи от линии фронта.

Летчицы и техники в полку уже имели подготовку, девушки-штурманы, в основном студентки ВУЗов, пошли на фронт добровольно. Полк проходил обучение в полном составе. Ирина Ракобольская: «Начались тренировочные полеты. Для многих штурманов они оказались тяжелым испытанием, возникала физическая слабость, тошнота,

головокружение... Но мы сжимали кулаки, не поддавались, и постепенно все проходило» [8, с. 18].

На фронт бомбардировочный полк попал в тяжелое время отступления первого периода войны. «Не все было гладко, была горечь и боль первых потерь, и аварии по неопытности, и трудности с воинской дисциплиной. Была неловкость за свою армейскую неподготовленность, которая, как мы ни старались, то тут, то там вылезала наружу» [8, с. 31]. Начинались ночные боевые вылеты с наступлением сумерек, летчицы бомбили немецкие колонны, железнодорожные станции и переправы. В боевой обстановке учились новой тактике и приемам боя, техники стали обслуживать самолеты бригадным методом, ускорив их подготовку для нового боевого вылета.

46-й полк хорошо зарекомендовал себя на фронте, стал гвардейским, был награжден двумя орденами. В состав полка прибывали и на месте обучались новые девушки, при этом боевая работа не прерывалась. И. Ракобольская и Н. Кравцова вспоминают: «Иногда нам объявляли «максимум», то есть мы получали задание сделать максимально возможное количество вылетов. В ночи «максимумов» экипажи успевали сделать по 8–10 боевых вылетов, а однажды зимней ночью под Варшавой это число возросло до 14–17» [8, с. 193]. У летчиц после 3–4 вылетов от усталости начинали закрываться глаза. Вооруженцы и техники в быстром темпе заправляли самолет, подвешивали стокилограммовые бомбы. Зина Вишнева про «максимум» под Варшавой: «Каждая девушка в эту ночь подвесила не меньше чем по три тонны бомб...» [8, с. 212].

Притом «девчонки оставались девчонками: возили в самолетах котят, танцевали в нелетную погоду на аэродроме, прямо в комбинезонах и унтах, вышивали на портянках незабудки, распуская для этого голубые трикотажные кальсоны, и горько плакали, если их отстраняли от полетов» [8, с. 52].

Когда, казалось бы, каждый боевой вылет ночью – это уже подвиг, девушки совершали героические поступки. Спланировав на сбитых самолетах выбирались к своим войскам с нейтральной полосы или территории противника, будучи ранеными приводили на аэродром свои самолеты, а после выздоровления стремились снова занять место летчика или штурмана. Так, Ирина Ракобольская пишет, как Галина Докутович вернулось в полк после перелома позвоночника.

Из воспоминаний Раи Ароновой, перетерпевшей операцию без наркоза после осколочного ранения: «Было очень больно, но кричать я не осмеливалась, так как за легкой перегородкой находилась мужская палата, и я скорее бы откусила себе язык, чем позволила кричать от боли...» [8, с. 225].

Не только бомбы везли под крыльями своих тихоходных этажерок летчицы. 46 полк сбрасывал припасы десантам морской пехоты и участникам Варшавского восстания 1944 г. Советские солдаты на передовой нередко слышали подбадривающие женские голоса, когда самолеты снижались над их окопами.

46-й гвардейский Таманский, дважды орденоносный полк ночных бомбардировщиков за три года боев выполнил 24 тысячи боевых вылетов. Ирина Себрова сделала 1004 вылетов. Личный состав полка удвоился за годы войны, не отрываясь от боевой работы. 25 штурманам и летчикам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза и Героя России [8, с. 323].

С продвижением врагов вглубь страны, женщины вставали на опасный путь партизанской и подпольной борьбы. Пожалуй, самая известная партизанка – Зоя Анатольевна Космодемьянская, казненная фашистами в деревне Петрищево 29 ноября 1941 г. В тылу врага по примеру убитой комсомолки действовали сотни подпольщиц, ушедших в леса из родных деревень или переброшенных через линию фронта. Александра Ивановна Анисимова работала радисткой разведывательной группы во время освобождения Польши и Украины. Воспоминания о тех днях стали основой её автобиографической книги «Записки радистки».

Москвичка А.И. Анисимова добровольно отправилась на учебу в военную школу радистов в г. Горький. Автор отмечает: «С первых же дней занятий мы знали, на какую работу нас готовят, предугадывали, что ждет нас там... И мы учились на пятерки, знали, что каждая хорошая отметка – еще один шаг к намеченной цели, к трудному делу, на которое пошли сами» [9, с. 36]. Девушкам предстояла сложная и опасная работа радисток в составе разведывательных групп за линией фронта. Вчерашние школьницы учили азбуку Морзе, осваивали радиотехнику, до винтиков и проводов изучали радиостанции. А потом – первые боевые задания, долгая кропотливая работа на территории противника.

Для выполнения задания А.И. Анисимова вместе с разведгруппой должна была высадиться с самолета в немецком тылу. Особенности службы давались не легко. Радистка пишет: «Обвешанная со всех сторон сумками, я не смогла сама залезть в самолет. Под дружный хохот товарищей доковыляла до трапа, а потом, ухватившись за протянутые руки летчиков, с трудом протиснулась в дверь» [9, с. 53].

При высадке разведчиков разбросало по лесу, за ними начали охоту отряды немецкой полиции. «Голодная, больная бродила я по лесам, тщетно пытаюсь разыскать товарищей... Я сделала себе постель из еловых веток, укрывалась тоже ветвями» [9, с. 58]. Только через несколько дней радистка смогла соединиться с отрядом местных польских партизан, а затем и с остатками своей группы.

Непроста работа партизана-подпольщика: полевой быт, тесные шалаши и землянки-бункеры, постоянная опасность разоблачения полицией. Разведчикам приходилось возвращаться с многонедельных заданий скрытно, ночью переходя линию фронта. Александра Анисимова: «Прислушиваясь к ровному дыханию спящих товарищей, думала, что нет, оказывается, никакой романтики в этой самой партизанской жизни. В глухой земляной норе лежишь в самом дальнем углу, из которого в случае опасности и не выбраться, глядишь в темноту, вслушиваясь в каждый шорох» [9, с. 70].

Но девушка прошла испытания: «Может, действительно мне, девчонке, незачем было мечтать о больших и трудных делах? Но нет, нет! Сейчас трудно. Это экзамен. Надо выдержать!» [9, с. 61].

Можно сказать, что радист и рация – сердце разведгруппы. Добытые разведчиками и партизанами сведения о местоположении частей противника, их перемещении и составе передавались в штаб при помощи радиации в руках Александры Анисимовой.

Девушка просто своим присутствием привносила в мужской коллектив некоторое ощущение уюта: «В тебе так много бесценных мелочей, оставленных дома каждым из нас и кажущихся просто невероятными здесь, в лесной глуши: ленточки в косичках, пестрое платье, туфельки. И песенки твои немудреные...» [9, с. 198].

Как пишет А.И. Анисимова: «Кропотливая, незаметная на первый взгляд работа разведчиков глубокого тыла противника не приносила таких быстрых и ярких результатов, как этого нам иногда хотелось...» [9, с. 106]. Однако, данные многих разведгрупп сводились воедино в штабах Красной Армии, исходя из них планировались операции. Ключ передатчика радиации приближал победу не меньше чем винтовка солдата. Например, за 30 месяцев войны радисты Украинского штаба партизанского движения, в основном женщины, приняли от командования свыше 75 тыс. радиogramм [1, с. 221].

Трудно переоценить заслуги участниц Великой Отечественной Войны. Находясь на передовой, они только своим видом поднимали боевой дух солдат, а еще каждая справлялась с тяжелыми фронтовыми буднями, которые для женщин были особенно остро насыщены переживаниями и утратами. Каждодневные невидимые никому личностные подвиги, готовность к любым трудностям и самопожертвованию, постоянное наличие самообладания и боевого духа, настоящие героические поступки, рвение сделать все во имя победы и это – в невыносимых, тяжелых как морально, так и физически условиях. Для женщин участие в Великой Отечественной войне – уже подвиг, невзирая на статистику, которая также говорит об их самоотверженности и остром чувстве долга.

Данная статья продолжает изучение темы женщины на войне, акцентируя внимание на воспоминаниях участниц, их эмоциях и переживаниях. Для сохранения памяти о Великой отечественной войне личная память имеет не меньшее значение, чем данные о войсковых операциях и ходе войны, потому что позволяют хотя бы на толику взглянуть на войну глазами ее солдат.

Список литературы

1. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне 1941- 1945. М.: Мысль, 1974. 291 с.
2. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. М.: Время, 2014. 351 с.
3. Никонова О.Ю. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 3. С. 40-41.
4. Гольберт Р.С. Зачем вы остались живы? // Родина. 2008. № 5. С. 35-39.
5. Реброва И.В. Женская повседневность в экстремальной ситуации: по материалам устных и письменных воспоминаний женщин о Великой Отечественной войне // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 605-630.
6. Буткевич Л.А. Солдаты милосердия: Записки фронтовой медсестры. Пермь: Пермское книжное издательство, 1987. 195 с.
7. Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944 – 1945 гг. М.: Центрполиграф, 2006. 222 с.
8. Ракобольская И.В, Кравцова Н.Ф. Нас называли ночными ведьмами. Так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2005. 336 с.
9. Анисимова А.И. На короткой волне. Записки радистки. М.: Советский писатель, 1961. 216 с.